УДК 1; 740

DOI 10.17516/2311-3499-054

ЯЗЫКОВОЙ ТРИКСТЕР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

О.А. Василенко

Статья раскрывает проблему проникновения чужих языковых традиций в культурно-историческое пространство России и ее народа с позиции феномена языкового трикстера. Основное внимание автор акцентирует на положении, что языковой трикстер оказывает огромное влияние на многочисленные стороны исторического социокультурного бытия общества, модернизируя культуру и вызывая ряд неоднозначных духовных, творческих коллизий. Языковой трикстер, проникая на историческое поле страны, принимает многомерно амбивалентные формы проявления и аспекты влияния, зачастую определяя, каким образом и в каком направлении будет происходить адаптация социума к новым культурным реальностям и формам поведения. Возникший языковой трикстер подобно «химере» вторгается в новый социум, начинает изменять существующие традиции и обычаи этого социума, игнорируя при этом его фундаментальные культурные ценности и основные жизнеопределяющие смыслы. Данный феномен, проявляясь совершенно парадоксальным образом как химерическое начало, либо под воздействием стремительного «переноса» духовно-ценностных установок более развитой культуры одного социума на менее развитую культуру другого; либо в процессе проверки на прочность становящихся в обществе новых социокультурных ценностей и идеалов, представляет собой некое сочетание несочетаемого и существует до тех пор, пока существует культура.

Ключевые слова и фразы: языковой трикстер; языковая химера; социокультурные парадоксы; социокультурные трансформации; социокультурное явление; иностранные языки.

LINGUAL TRICKSTER AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

O.A. Vasilenko

The article reveals the problem of the penetration of foreign linguistic traditions into the cultural and historical space of Russia and the people from the perspective of the language trickster phenomenon. The author focuses on the point that the lingual trickster has a great impact on the diverse aspects of the sociocultural history of society as they modernize culture and cause a number of ambiguous spiritual, creative conflicts in it.

The lingual trickster penetrating the historical field of a country takes different ambivalent forms of manifestation and aspects of influence, often determining how society adapts to new cultural realities and forms of behavior. Having emerged like a "chimera" lingual trickster "invades" a new society and begins to change the existing traditions and customs of this society, while ignoring its fundamental cultural values and basic life-determining meanings.

This phenomenon manifests itself in a completely paradoxical way as a chimerical being under the influence of the rapid "transferring" of the spiritual-valued settings of a more developed culture of one society to a developing culture of another; or in the process of testing for the strength of new sociocultural values and ideals. It is a kind of combination of the incompatible and exists as long as culture is in existence. .

Keywords and phrases: language trickster; "Language" chimera; sociocultural paradoxes; sociocultural transformations; sociocultural phenomenon, foreign language, Polish, Dutch, French.

Введение

Проблема социокультурной идентификации в современном обществе является одной из самых острых и значимых, и в условиях масштабных социально-политических, культурных и духовно-нравственных перемен приобретает особую актуальность и требует глубокой философской рефлексии. Языковой дискурс, представляющий собой особую форму масштабной социокультурной коммуникации, не может не влиять на фундаментальные социокультурные основания, имманентные любому социуму. Будучи масштабным явлением, он воздействует на отношения между элитой и народом, элитой и властью, элитой и социумом, геополитическими реалиями России, а также на взаимосвязь страны с ближайшим социокультурным окружением. В силу этого в рамках нашего исследования мы попытаемся осмыслить одну из актуальнейших, но, к сожалению, малоизученных проблем, оказывающую огромное влияние на многообразные стороны исторического социокультурного бытия России, а именно: проникновение чужих языковых традиций в культурно-историческое пространство страны и народа с позиции феномена языкового трикстера. Интенция такого рода представляет собой теоретическую интеллектуальную инновацию и является формой социокультурной коммуникативной реальности, представляющей жизнь языка в различных модусах и аспектах культуры.

Основное содержание статьи

Есть все основания полагать, что современная транзитивная культурная ситуация повторяет глубинные процессы, протекавшие в России в период глобальной модернизации три века назад. Эти сложные социокультурные и коммуникативные явления самым непосредственным образом взаимосвязаны с потребностью реформирования государства и необходимостью усвоения иностранного языка как в качестве объекта изучения, так и в виде объекта влияния, равным образом предполагавших воссоздание на базе его многозначных смыслов новой модели культуры и социума. Процесс усвоения языка и связанный с ним процесс адаптации к новым культурным реальностям мог происходить достаточно ровно, а иногда и крайне драматично, будучи сопряженным с разного рода лингвистическими коллизиями. Последние зачастую представляют собой некий внутренний социальный конфликт, выражающийся в активном нежелании народа адаптироваться к воздействию чуждого иностранного языка и уж тем более – привыкать к новым формам жизнеустройства, поскольку стремление сохранить национально-духовное и социально-гражданское бытие страны в отдельные исторические моменты может оказаться жизнеопределяющим. Так, например, фундаментальное влияние чуждых ментальному мировосприятию русских татарского и польского языков в эпоху Ивана Грозного, немецко-голландских языковых влияний при Петре I привело к парадоксальным социокультурным трансформациям и противоречиям в модернизирующейся стране. По мысли великого русского философа Г.П. Федотова, подобные реформы сопровождались не только «надругательством над Церковью и бытом, деформацией народной души, но и надругательством над русским языком, который на полстолетия превращается в безобразный жаргон» [Федотов 1992], порождая «национальное обезличивание» из-за пересечения несовместимых культурных миров.

При этом воздействие французского языка на социум XIX века протекало более толерантно и с определенной формой элитарной направленности, духовной аристократичности, отличающейся огромной творческой силой и интеллектуальным влиянием, создавшим в России культуру Золотого века в оригинальных личностно-персонифицированных и социокультурных проявлениях.

Такое осмысление вышеобозначенных процессов позволяет предположить, что иностранный язык, входящий в новое социокультурное пространство, не только формирует чисто лингвистическую задачу с присущими ей сложностями, а именно – обучить соответствующее количество народонаселения, но и заставляет народ учиться мыслить во взаимосвязи с новыми культурными ценностями и в соответствии с очередным модернизационным проектом. При этом язык, как его «социокультурный» инструмент, мог продуцировать не только новые формы жизни и ставить новые жизнеопределяющие цели перед страной и народом, но и создавать оригинальное

пространство новой культуры, а также принципиально иные геополитические коды и связанные с ними неизбежные ментальные трансформации, модернизирующие все аспекты социального бытия. И есть все основания полагать, что от того, как нация начнет справляться с этими задачами, будет в самом серьезном смысле слова зависеть ее историческое будущее.

В этой связи любой иностранный язык, как нам представляется, приходя в чужую страну со своим культурно-историческим заданием, со своим смысловым и ментальным «кодом», неизбежно является, по существу дела, неким «трикстером» глобальных социальных преобразований и экономической трансформации, вызывая зачастую парадоксальные процессы и противоречия в реформирующейся стране [Василенко 2016]. Под трикстером мы понимаем сложное амбивалентное социокультурное явление, которое реализует разнонаправленное воздействие на общество, осуществляя переориентацию всех прежних понятий жизнеустройства и порядка бытия в новые, зачастую оригинальные онтологические формы (в нашей работе мы будем использовать терминологию выдающегося русского мыслителя М.М. Бахтина, который первым ввел понятие «амбивалентность» в аналитику и использовал его применительно к традициям средневековой европейской культуры [Бахтин 1990]. Под «амбивалентностью» мы понимаем наличие противоречивости, неоднозначности в том или ином социокультурном явлении).

Важно заметить, что типология понятия «трикстер» получила свое начальное освещение в зарубежной литературе еще в шестидесятые годы прошлого столетия и представлена в различных сферах социального и гуманитарного профиля. Так, научные изыскания П. Радина [Радин 1999], К.К. Кереньи [Кереньи 2006], К.Г. Юнга [Юнг 1991], Б. Бэбкок – Эйбрахамс [Babcock-Abrahams 1975], Л. Хайда [Hyde 1998] и многих других зарубежных исследователей, которые первично оформили теоретические представления о феномене «трикстер» и в особенности затронули область философии культуры, оказались непосредственно связанными с социокультурными трансформациями в обществе, продуцируемом данным феноменом. Особый теоретический интерес также представляют работы отечественных исследователей по этой проблематике. Выдающийся российский историк культуры Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1994], исследователи Ю.Е. Березкин [Березкин 2003], В.Н. Топоров [Топоров 1997] и многие другие внесли свой значительный вклад в теоретическое наполнение данного явления.

Считаем необходимым подчеркнуть, что мы называем данный феномен «языковым трикстером» имея в виду, что он представляет собой не только лингвосемантическую интенцию, но скорее особую философскую данность, обладающую некоторыми теоретическими качествами обобщающего и концептуально значимого характера. Сам вышеупомянутый термин, его семантическое оформление воплощает в себе целый комплекс смысловых реалий, передающих как метафизические, так и эмпирические характеристики многих важнейших социокультурных процессов. Как мы можем судить на основании суждений великого русского мыслителя, антрополога и культуролога П.А. Флоренского, «слово вообще, а язык в частности меняет существо вещей, природу человека, антропологию человека, социум, мирозерцание, взгляд на религию» [Флоренский 1990]. Следовательно, по убеждению ученого, сам факт существования языка, а уж тем более его социокультурное влияние содержат в себе глубокую, но не всегда теоретически внятную философскую рефлексию и имманентно принадлежит философии, которая будучи неким модусом языка и своеобразным случаем его употребления, – есть «в сущем своем... язык» [Флоренский 1990]. Таким образом, именно слово вообще и язык в частности, согласно П.А. Флоренскому, способны порождать в структуре бытия иногда внешне неразличимые разрывы и разломы, которые в существе своем могут не срастись, не стать единым культурно-историческим целым и, таким образом, парадоксально вернуться к своим прежним основаниям. В качестве осмысления таких разрывов нам особенно интересен феномен языкового трикстера в качестве чужого иностранного языка, приходящего на новое для него культурно-историческое поле.

В данном аспекте языковой трикстер сугубо умозрительно можно отождествить с химерой, чрезвычайно сложным в социокультурном плане явлением, усмотренным и проанализированным

отечественным мыслителем Л.Н. Гумилевым применительно к традициям древней хазарской культуры. Так, по мнению выдающегося отечественного ученого, «химера – это форма контакта несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие» [Гумилев 2007]. Попытаемся допустить предположение, что языковой трикстер, подобно «химере», «вторгается» в новый социум, начинает изменять существующие традиции и обычаи этого социума, игнорируя при этом его фундаментальные культурные ценности и основные жизнеопределяющие смыслы. Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть, что влияние подобного бескомпромиссного «вторжения» может принимать форму глобальной социокультурной экспансии, внешнего «нашествия» новых культурных верований и идеалов.

Так, например, голландский и немецкий языки, выступившие языковым трикстером в России XVIII века и определившие стиль последующей модернизации страны, привели к административно-принудительной европеизации всего общества и повлекли за собой глубокие социокультурные трансформации. Причем попытки примериться к новым, чуждым русской ментальности культорологическим формам и «наложить» новые традиции на прежнее старорусское бытие привели к появлению двойственных форм жизни, двойственной языковой ситуации и, как следствие, двойственной культуры в реформирующейся стране [Василенко 2017].

Здесь следует отметить, что, подобно «химере», языковой трикстер пытается не только «поглотить» существующую культуру, но и расширить область своего влияния на социум, распространиться и занять как можно большую площадь «культурного ландшафта», укрепить свои позиции, вызывая при этом зачастую глобальные социокультурные преобразования в обществе. Так, возникший под влиянием модернизации языковой трикстер вызывает глубокие политические, экономические и социокультурные трансформации в России XVIII века. Приобретая в культуре России сложные формы, он «ломает» старые устои и инициирует напор реформ по двум вариациям: голландской в виде заимствования военной, флотской техники, градостроения и форм торговых отношений и немецкой с транспортированием форм государственности, социокультурной системности и экономической централизации в отечественный социум [Василенко 2017].

В этом аспекте мы должны размежеваться с некоторыми положениями, обозначенными великим Л.Н. Гумилевым. В социокультурном плане химера, как правило, смертна, она существует какое-то время и, пребывая до определенного предела, поглощается различными видами новых социумов, будь то военными, социокультурными, геополитическими и другими способами. Языковой же трикстер, по нашему убеждению, в отличие от химеры, сам никогда не уходит из социокультурного пространства какого-либо общества. Мы можем предположить, что, возникнув совершенно парадоксальным образом как химерическое начало, под воздействием стремительного «переноса» духовно-ценностных установок более развитой культуры одного социума на менее развитую культуру другого, то есть при соединении старого и нового в крайне короткий период времени, либо в процессе проверки на прочность становящихся в обществе новых социокультурных ценностей и идеалов, языковой трикстер представляет собой некое сочетание несочетаемого и в этом контексте представляет собой «полнокровное и полнозначное чужое сознание, не вставленное в завершающую оправу действительности, незавершенное ничем (даже смертью), ибо смысл его не может быть разрешен или отменен действительностью» [Бахтин 1986]. Нам представляется, что языковой трикстер, будучи сложным социокультурным явлением, существует постольку, поскольку существует культура, над которой, по словам выдающегося русского мыслителя М.М. Бахтина, «не властно бытие» [Бахтин 1986].

Причем следует отметить: эта проблема имманентно присуща любому социуму в те или иные периоды его исторического бытия; и историческое поле социального действия содержит множество примеров ее социокультурной репликации. Так, например, миграционные процессы в странах ЕС и распространение демократических принципов и идеалов свободы США по всему миру, сепаратистские настроения в Китае и т.д. в наши дни представляют собой, по нашему убеждению, некую особую ретроспекцию социокультурных лингвистических трансформаций,

пронизывавших Латинскую Америку во время испанской колонизации XV века и, наконец, Англию во времена норманнских завоеваний.

Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть, что возникший языковой трикстер, как некая особая «языковая химера», влияние которой иногда кажется непреодолимым, в какой-то момент своего существования парадоксальным образом начинает «вырождаться» и деградировать, вследствие этого вполне закономерно начинает «пробивать» себе дорогу в жизни и культуре новая оригинальная языковая ситуация со всеми присущими ей качествами и особенностями, принося социуму вместе с тем и массу новых социокультурных возможностей. Мы считаем необходимым отметить, что вышеобозначенные процессы с разной периодичностью проявляются и воспроизводятся в глобальной культуре на всем протяжении ее исторического действия. Так, например, латинский язык, обладающий более чем двухтысячелетней социокультурной традицией и являющийся официальным языком Римской империи, используется в наше время преимущественно в качестве общенаучной терминологии естественных и гуманитарных наук; или же санскрит, литературный язык в Индии, на котором написано множество работ философской, религиозной и научной тематики, используется современными исследователями в качестве источника изучения древнеиндийской письменной культуры; древнерусский язык, существовавший до XIV века на Руси и бывший общим языком восточных славян, является предметом изучения узкого круга исследователей отечественной истории и культуры.

По-видимому, этот процесс обусловлен тем, что языковой трикстер, осуществляя социокультурную экспансию, проявляет провоцирующую, поглощающую активность в отношении новой культуры, причем тем самым он вступает с этой культурой в диалогические отношения, изменяя при этом качественную содержательную установку последней. Следует пояснить, что подобная активность, зачастую направленная на преодоление сопротивления чужой культуры, чужих ценностей, чужого сознания, может привести к непредсказуемым, зачастую парадоксальным последствиям. Так, например, «импортированные» языковым трикстером новые верования и идеалы парадоксальным образом внезапно не только теряют свою «истинность» и элитарность, но и вызывают неприязнь в социуме, а их место занимают истинно национальные смыслы. Причем культурно-лингвистические разрывы, например, между элитой и народом, между элитой и властью, новой элитой и старой элитой, и т.д., возникшие в результате воздействия языкового трикстера на социум, хотя и не носят ярко выраженный характер, однако сохраняют свои позиции в тот или иной период исторического бытия страны. В частности, социокультурные ценности и идеалы, транслируемые французским языком в России XIX века, заняли в социуме высшее ценностное место, и чужой язык стал знаком принадлежности к культуре, элите, высшему сословию [Лотман 2014]. Причем языковая экспансия в этот период отечественного бытия приняла крайне гипертрофированные формы и привела к полному отказу элитарного сословия от национального языка, а также от национальных духовно-ценностных установок [Там же]. Однако впоследствии новейшие французские культурные модели утратили свое влияние на отечественный социум и их заменили новые духовно-ценностные установки и ориентации. Тем не менее, следствием вышеобозначенного воздействия языкового трикстера явилось появление совершенно оригинального типа культуры и исключительной гениальности мыслителей и философов Золотого и Серебряного веков отечественной культуры.

Более того, по нашему представлению, вышеуказанные процессы обусловлены именно тем, что языковой трикстер в стремлении «обмануть» историческую действительность не всегда выходит победителем, а зачастую становится жертвой своего же собственного социокультурного обмана. По существу вещей, созданная им система «ловушек», даже зачастую практикуемый «обман» менталитета нередко заводит общество в социальные тупики, выход из которых, как правило, требует от социума принятия крайне радикальных и отчасти непопулярных мер и решений. Так, в России XVI века польский язык в своих попытках европеизировать и украсить Русь потерпел поражение, причем закономерным следствием такого воздействия явилось уничтожение великой династии Рюриковичей, появление Великой Смуты, восстание Минина и

Пожарского и последующее освобождение Москвы. Таким образом, польский язык не только не придал отечественной культуре новый импульс развития, но и практически поставил под сомнение сам факт существования российского государства [Василенко 2016].

Заключение

Итак, языковой трикстер – это сложное многомерно амбивалентное социокультурное явление, обладающее специфическим содержанием, которое, с одной стороны, модернизирует культуру провокационным, парадоксальным и не всегда положительным образом, вызывая ряд неоднозначных духовных творческих коллизий в социуме, имеет долговременные формы действия в исторической и социокультурной перспективе. С другой стороны, языковой трикстер проявляет себя в новом социокультурном пространстве в качестве некой «переориентировки» смыслов, как явление особой «культурной экспансии», целью которого становится «восполнение» тем или иным образом внутренних «пустот» общества.

Возникнув совершенно парадоксальным образом как химерическое начало под воздействием стремительного «переноса» духовно-ценностных установок более развитой культуры одного социума на менее развитую культуру другого, то есть при некоем соединении старого и нового в крайне короткий период времени, либо в процессе проверки на «прочность» уже становящихся в обществе новых социокультурных ценностей и идеалов, языковой трикстер представляет собой сочетание несочетаемого и в этом контексте представляет собой «полнокровное и полнозначное чужое сознание, не вставленное в завершающую оправу действительности, незавершенное ничем (даже смертью), ибо смысл его не может быть разрешен или отменен действительностью» [Бахтин 1986].

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

Березкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. СПб: ИДПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2003. С. 97–164.

Василенко О.А. Иностранный язык как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации (на примере России XVI в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 12. Ч. 3. С. 39–45.

Василенко О.А. Актуализация воздействия языкового трикстера в новых социально-политических условиях России (на примере России XVIII века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 10. Ч. 2. С. 26–32.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 839 с.

Кереньи К.Г. Дионис: прообраз неиссякаемой жизни: [пер. с нем.]; [вступ. ст. Л.Ю. Герасимовой]. М.: ВРС, 2006. 315 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с.

Радин П. Трикстер: исследования мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга, К.К. Кереньи; [пер. с англ. Кирющенко В.В.]. СПб.: Евразия, 1999. 286 с.

Топоров В.Н. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 5–20.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избр. ст. по философии рус. истории и культуры: [в 2 т.]. СПб: София, 1991. Т. 1. 351 с.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1 (I, II, III). М.: Издательство «Правда», 1990.

Юнг К.Г. Архетип и символ: монография. М.: Ренессанс, 1991. 299с.

Babcock-Abrahams B.A. Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute, 1975, vol. 11.1.3, pp. 147–186.

Hyde Lewis. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1998, pp. 432.

References

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] / sost. S.G. Bocharov; tekst podgot. G.S. Bernshtejn i L.V. Deryugina; primech. S.S. Averinceva i S.G. Bocharova. 2nd ed. Moscow, Isksstvo Publ., 1986. 445 p.

Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2nd ed. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1990. 543 p.

Berezkin YU.E. Trikster kak seriya ehpizodov [Trickster as a series of episodes]. *Trudy fakul'teta ehtnologii [Proceedings of the Faculty of Ethnology]*. SPb., IDPO «Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge» Publ., 2003, pp. 97–164.

Vasilenko O.A. Inostrannyj yazyk kak trikster social'nyh preobrazovanij i sociokul'turnoj modernizacii (na primere Rossii XVI v.) [Foreign language as a trickster of social transformations and sociocultural modernization (on the example of Russia of the XVI century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]*. Tambov, Gramota, 2016, no 12, part 3, pp. 39–45.

Vasilenko O. A. Aktualizaciya vozdejstviya yazykovogo trikstera v novyh social'no-politicheskikh usloviyah Rossii (na primere Rossii XVIII veka) [Actualization of the impact of the language trickster in the new socio-political conditions of Russia (on the example of Russia of the XVIII century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]*. Tambov, Gramota, 2017, no 10, part 2, pp. 26–32.

Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i velikaya step' [Ancient Russia and the great steppe]. Moscow, AST; Hranitel' Publ., 2007. 839 p.

Keren'i K.G. Dionis: proobraz neissyakaemoj zhizni [Dionysus: a type of inexhaustible life]: [per. s nem.]; [vstup. st. L. YU. Gerasimovoj]. Moscow, VRS Publ., 2006. 315 p.

Lotman YU.M. Vnutri myslyashchih mirov [Inside the thinking worlds]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 416 p.

Meletinskij E.M. O literaturnyh arhetipah [About literary archetypes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p.

Radin P. Trikster: issled. mifov severoamer. indejcev s komment. K.G. YUnga, K.K. Keren'i [Trickster: Research on the myths of North American Indians, with comments by KG Jung, K.K. Kereny]; [per. s angl. Kiryushchenko V.V.]. SPb., Evraziya Publ., 1999. 286 p.

Toporov V.N. Obraz trikstera v enisejskoj tradicii [The image of the trickster in the Yenisei tradition]. *Tradicionnye verovaniya i byt narodov Sibiri [Traditional beliefs and way of life of the peoples of Siberia]*, Novosibirsk, 1987, pp. 5–20.

Fedotov, G.P. Sud'ba i grekhi Rossii [The fate and sins of Russia]: izbr. st. po filosofii rus. istorii i kul'tury: [in 2 v.]. SPb., Sofiya Publ., 1991, vol. 1, 351 p.

Florenskij P.A. Stolp i utverzhdenie istiny [Pillar and affirmation of truth]. Vol.1 (I, II, III). Moscow, «Pravda» Publ., 1990.

YUng, K.G. Arhetip i simvol [Archetype and symbol]: monografiya. Moscow, Renessans Publ., 1991. 299 p.

Babcock-Abrahams B.A. Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered [Tolerated Margin of Messiah: The Trickster and His Tales Reconsidered]. *Journal of the Folklore Institute*, 1975, vol. 11.1.3, pp. 147–186.

Hyde Lewis. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1998, pp. 432

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Василенко Ольга Алексеевна, аспирантка 4-го курса по специальности 47.06.01 «Философия, этика и религиоведение», старший преподаватель кафедры русского и иностранного языков

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Кирова, 86

E-Mail: vasilenko201076@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vasilenko Olga Alekseevna, post-graduate student, academic teacher of the Russian and foreign languages department

State University of Telecommunications and Information Sciences

86, ul. Kirov, Novosibirsk 630102 Russia

E-mail: vasilenko201076@mail.ru